

Но и в таких текстах есть на что обратить внимание: Гелия Певзнер, например, то и дело каламбурит, Гриша Брускин экспериментирует с формой, Людмила Улицкая снимает табу с обычно «запретной» темы, Леонид Гершович собирает пазл из актуального.

Тексты объективные, многомерные в этом сборнике редкость. Из без малого трех десятков — три-четыре, не больше пяти уж точно.

В них есть место любви (в самом широком смысле слова) и прочим «переживаниям романтического толка». Есть место иронии и, что куда более важно, самоиронии. В них хочется себя узнавать, к ним хочется возвращаться... Они вызывают улыбку и даже искренний смех. И это не значит, что в них нет боли и страха, оскорбительных и постыдных моментов. Есть. Иногда в избытке.

Лучшее тому доказательство — рассказ «Отставка из рая». Алексей Цветков умудряется о детстве, проведенном в «гипсовой кровати», писать так, что то и дело посмеиваешься про себя, переводя взгляд со строки на строку, хотя, казалось бы, совсем не до смеха. Этому желанию совершенно невозможно сопротивляться. Ведь всем нам приходилось, попадись на глаза божья коровка, выполнять сокровенный ритуал — «взять в руки, понюхать, поморщиться и прочитать стандартную инструкцию, куда полететь и как там поступить». Да и кто сказал, что лекарство непременно должно быть горьким?

Татьяне Малкиной в рассказе «Лучшее средство» удалось в розовых тонах запечатлеть непреложную истину «происходящей вокруг жизни»: об руку с предательством всегда идет дружба, с жестокостью — нечаянная нежность, с животной ненавистью — любовь. Как говорится, нет худа без добра. Остается только не упустить из виду.

«...Очень горько плачу, навзрыд, почему-то в уборной <...> кошусь в дощатые дыры, где пенятся вонючие охристые ряски, и думаю, как легко туда как бы невзначай провалиться <...> Но через миг помню себя стоящей с запрокинутой головой за выгребными, под высокими пирамидальными тополями <...> уже в состоянии восторга».

Борис Минаев («В отделении запрещается уединяться») и вовсе окрашивает привычно черное в белое. Шестая детская психбольница становится синонимом первой любви, настоящей дружбы и абсолютной личной свободы.

А еще есть «Витамин из склянки» Любы Гуровой и «Подлива» Льва Рубинштейна.

Во всех этих текстах, наконец, слышен и детский голос. И вот уже проблемы моральные или идеологические отходят на второй и даже третий план, «главное — это не делать уроки и не ходить в школу».

Искренность перед собой и читателем, простота, некоторая наивность подкупают.

Вместо заключения — справедливое замечание:

«В ней не было каких-то острых парадоксов, ярких мыслей. Она была очень простая и понятная», но «Лева не слышал более сильной речи».

Лидия КОЗЛОВА

НЕ ХЛЕБОМ ЕДИНЫМ...

Книга гастрономических историй, ради которой объединились те, кого объединить невозможно. СПб.: Лимбус Пресс, ООО «Издательство К. Тублина», 2018.

Так уж у нас, русских, принято: сытное застолье разбавлять ароматным чаем с десертом. Чтобы точно понять, что наелся от пуза, и ощутить сладостную атмосферу праздника жизни. Если аксиому эту переносить на литературу, то тем самым десертом можно назвать вновь вошедшие в моду сборники малой прозы. Скажем, только-только осилили томик Толстого, а тут под рукой — свеженькая антология современных рас-

сказов. Открыл любой, прочитал, и вот ты окончательно сыт, доволен, расслаблен и готов к новым литературным подвигам. Другое дело, что не каждый десерт: а) полезен (тем более если только его и лопать) и б) дарит истинное гастрономическое наслаждение. Именно поэтому литературные сборники вызывают у меня некоторую настороженность.

Антология рассказов «Книга гастрономических историй, ради которой объединились те, кого объединить невозможно» вызывает интерес уже своим названием. Сначала, конечно, иронию: ну что за самонадеянность? и кого же вы там объединили? и для чего? кулинарных рецептов ради? Но как только понимаешь, с какой целью был издан сборник, становится стыдно за неуместную насмешку.

Уникальность «Книги...» заключается в том, что создана она для помощи пациентам хосписов: треть средств от продажи сборника издательство «Лимбус Пресс» перечисляет в благотворительный фонд «Вера», а все авторы предоставили тексты бесплатно. Достоинство! Кстати, об авторах. Под одной обложкой объединились 30 людей разных возрастов, профессий, взглядов на жизнь, кулинарных пристрастий. Это блогеры (Луиза Акбаева, Власта Эс, Ирина Михайловская), журналисты и филологи (Марианна Орлинкова, Яна Вагнер, Евгений Клюев), поэты (Григорий Кружков, Бахыт Кенжеев, Юлий Гуголев), актеры (Рената Литвинова, Александр Филиппенко, Вениамин Смехов, Станислав Садальский), спортсмен всего один, зато какой (!) (Гарри Каспаров), художник, он тоже один (Владимир Любаров, фрагмент его картины «Едоки вишни» использован в оформлении обложки книги), и, конечно же, писатели (Людмила Улицкая, Евгений Гришковец и многие другие). «Ну и солянка!» — скажете вы. И будете правы абсолютно. Но что же в плохого в солянке? Читаем дальше.

«Все лучшее на свете — это солянка», — признается в любви этому блюду или даже, более широко, явлению в своем рассказе «Съедобный монтаж» Вениамин Смехов. И в цирковом искусстве, и в театре, и в кинематографе, и даже в судьбе, говорит он, этот «жанр» всегда побеждает. Как именно? Об этом вы узнаете из рассказа. А его уж точно следует прочитать (благо в сборнике он есть). Вдогонку нужно только сказать, что и в литературе эта солянка тоже часто побеждает. Антологии, подобные нашей, лучшее тому подтверждение.

Если вы подумали, что «Книга гастрономических историй» — это по большому счету сборник кулинарных рецептов, то напрасно. Конечно, при желании вам удастся выдернуть оттуда пару-тройку идей по приготовлению блюд и даже обрести вдохновение для готовки, но... Все-таки это книга о жизни, наполненной запахами, вкусами, приятными и грустными воспоминаниями. Вы, наверное, удивитесь, насколько разные ассоциации и чувства вызывает у авторов одно и то же блюдо (скажем, оливье) и насколько разные обстоятельства связаны у каждого из них с едой.

Вообще, «Книга гастрономических историй» — это, наверное, один из немногих сборников, в котором можно и даже нужно прочитать все рассказы. Подчеркиваю — именно рассказы, — потому что здесь и стихотворения имеются, но современное стихотворчество (словом «поэзия» назвать это... явление язык как-то не поворачивается) я не признаю, поэтому на их прочтении даже не настаиваю. Хотя обратить внимание на стихотворение Бахыта Кенжеева стоит. Оно, по крайней мере, точно не испортит вам аппетит (отсутствием рифмы, например) и порадует глубиной философских размышлений автора:

Любо мальчику-поэту с плоскою муки
не по ту бродить — по эту сторону реки,
исходить начальной речью, на рассвете дня
петь тенистое заречье, голову склоня.

Он поник душой, проникся рябью черствых нот,
он ладошкой из Стикса влаги зачерпнет,
тесто липкое замесит, сладко засопит —
ничего любовь не весит, никогда не спит <...>

Составители сделали правильный ход, поместив в самое начало сборника рассказы прекрасного российского прозаика Наринэ Абгарян. Открываешь книгу, и прямо вдыхаешь терпкий аромат свежей аджики, хрустящего хлеба и только сваренной картошки, политой сливочным маслом. Без лишней витиеватости и чрезмерной описательности Наринэ Абгарян говорит о том, что ей важно и дорого: семейных отношениях, традициях Армении, детских воспоминаниях и мечтах. В ее рассказах все наполнено жизнью, дышит, разговаривает, источает чудесные запахи: «Постепенно ореховый дух напитывается ароматом приправ, густеет, нависает терпким облаком над двором — щекочет ноздри. От сладкого запаха просыпается старое тутовое дерево, водит затекшими плечами, обсыпается тяжелыми ягодами<...>» (рассказ «Десять и четыре дня»). Как же вкусно рассказывает о национальных блюдах Наринэ Абгарян! Непременно хочется не только что-нибудь приготовить самой, но обязательно отправиться в Армению и попробовать все описанное, находясь в этой удивительной стране.

Откровенно говоря, «Книга гастрономических историй» подкупает авторским составом. На обложке представлены такие звучные имена (Людмила Улицкая, Евгений Гришковец, Александр Филиппенко, например), что, увидев их, ты обязательно захочешь книжечку пролистать. Потом еще встретишь там рассказы известного тебе художника и внезапно окажешься пойманным на крючок. Могли бы вы подумать, что художники настолько хорошо пишут? С такой иронией и тонким юмором, с хорошо отработанным писательским стилем? Я — нет. Между тем рассказы Владимира Любарова великолепны. Я бы отнесла их к одним из лучших в сборнике. С чарующей простотой и детской наивностью автор посвящает нас в самое сокровенное — историю своей семьи и жизни — и с таким душевным теплом, что прочтение его рассказов оставляет только легкость и приятное послевкусие.

Однако гастрономическая история у каждого своя, и не всегда она наполнена притягательными ароматами сладкой ностальгии. Рассказы «„Черные“ щи. Гастрономия ГУЛАГа» Семена Виленского, «Расстояние в полкилометра» Владимира Войновича, «Еда военных и послевоенных лет» Мариэтты Чудаковой — о грустных и серьезных вещах. Все они густо приправлены воспоминаниями о трагических днях человеческой жизни. Рассказ Ренаты Литвиновой «Про Лешу Саморядова...» тоже относится к такому. Он, настолько сухой и короткий, внезапно открывает Литвинову совершенно по-новому. Как человека, стойко преодолевающего жизненные трагедии. Как человека со своей трагедией: «Когда мне сказали, что он разбился, я подумала — это не на смерть. Такой глагол — „разбился“. Заключает надежду». Эти звенящие парцелляции, короткие предложения, совершенно безэмоциональные реплики монолога выворачивают душу наизнанку своей беспринципной и безапелляционной откровенностью. И совершенно далекий от тебя человек становится ближе. В этом, пожалуй, и основное послание «Книги гастрономических историй» — показать, что мы намного ближе друг к другу, чем нам кажется.

Елена МАТВЕЕВА